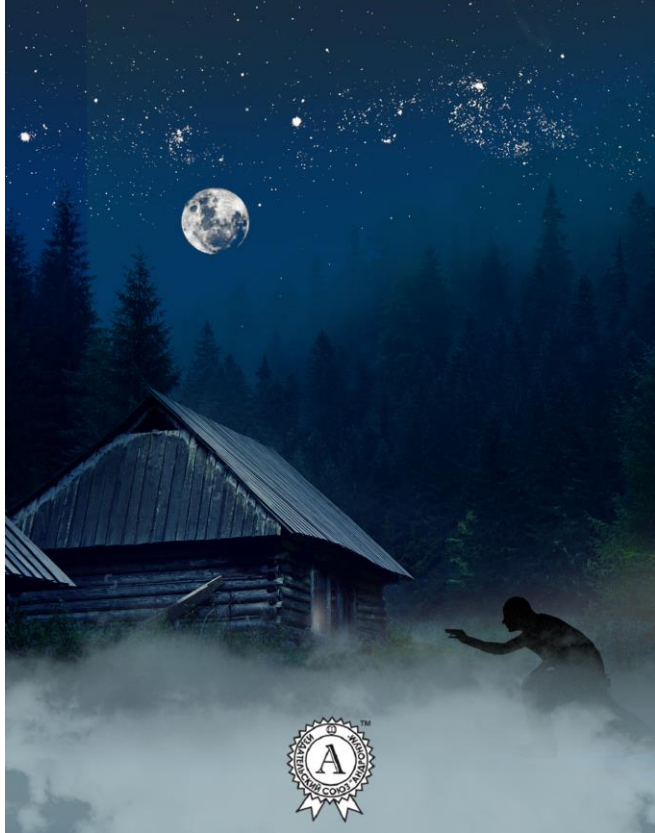

АЛЕКСЕЙ ХАПРОВ

ЧЕРНАЯ ПОВЕСТЬ

Героям этого романа предстоит преддипломная практика в геологической экспедиции. Поездка видится им весёлым, интересным приключением. Но происходит трагедия — терпит крушение перевозивший их к месту назначения вертолёт.

Ребятам удаётся спастись, и они оказываются в глухой тайге. Но вскоре обнаруживают, что рядом с ними обитает нечто таинственное и страшное. Неведомая сила убивает ребят одного за другим. Выжить удаётся только одному юноше.

Вспоминая произошедшее, он пытается дать ответ на вопрос, что же всё-таки погубило его товарищей.

Разгадка оказывается шокирующей.

Алексей Хапров

Чёрная повесть

1

Я медленно брёл вперёд, не разбирая дороги. Собственно, дороги, как таковой, не было. Не было даже тропинки. Меня окружала лишь дикая, сырая, таёжная глушь. Вокруг царил полумрак. Стояла абсолютная тишина, лишь изредка прерываемая шумом ветра, стуком дятла, или жужжанием какого-нибудь гнуса. Я упорно продирался сквозь сухие ветви огромных развесистых сосен-великанов. Эти ветви были настолько толстые, что походили на стволы молодых деревьев. Они спускались вниз, почти до самой земли, затем снова уходили вверх, и безжалостно царапали меня своими колючками. Мои ноги беспрерывно спотыкались о мёртвые корявые сучья и гниющие пни, которые тяжело было сразу заметить в высокой траве, а протянувшаяся густой сетью с куста на куст паутина налипала на мою одежду и заставляла периодически брезгливо отряхиваться.

Идти было тяжело. Но, невзирая на все препятствия, на страшную, нечеловеческую усталость, на острую, ноющую боль в сломанной

руке, на мучившие меня голод и жажду, я упорно преодолевал эти дебри, практически не зная отдыха. У меня была одна-единственная цель — поскорее вырваться из этого зелёного ада.

Смеркалось. Багряное солнце клонилось к закату. Его лучи разгоняли слабый туман, и падали на землю густыми, слегка согревающими струями. Ветер игриво колыхал верхушки столетних деревьев, которые тоскливо шумели, словно жалуясь на свою старость, и на свою скучную, однообразную жизнь.

Мимо меня промчалась белка. Она забралась на сосну, расположилась на нижней ветке, с которой осыпались жёлтые, уже отмершие хвоинки, и оттуда с любопытством уставилась на меня своими чёрными, блестящими, напоминавшими маленькие бусинки, глазками, словно изумлённо спрашивая: что тебя сюда занесло, человек?

В моей голове царил пустота. В глазах раз за разом вспыхивали и вращались маленькие красные звёздочки. Иногда у меня возникало такое ощущение, что я пребываю в каком-то полусне. Что всё, что было вокруг меня — это не реально. Что всё это мне просто кажется. А я на самом деле сейчас лежу дома, в своей кровати, и сладко посапываю на подушке. Но меня тут же отрезвляли воспоминания о пережитом. Они уничтожали любые, даже маломальские сомнения в реальности

происходящего.

Вдруг на фоне уже ставшей для меня привычной тишины отчётливо прозвучал гул автомобильного мотора. Я остановился, как вкопанный, и прислушался. Это была не слуховая галлюцинация. Это был реальный звук. Очевидно, где-то невдалеке проходила трасса. Я стиснул зубы, и из последних сил продолжил свой путь.

Когда через некоторое время впереди показалась просека, у меня уже не осталось сил, чтобы хоть как-то выразить свою радость. Я вышел из леса, добрался до обочины дороги, скинул изрядно натёрший мне спину рюкзак, и в изнеможении опустился на землю. Физическое и нервное напряжение тут же дало о себе знать. Меня охватила жуткая слабость. Передо мной всё заплясало и закружилось, и я непроизвольно отключился, погрузившись в глубокий сон, сквозь который смутно, как бы издалека, до меня донёсся скрип автомобильных тормозов. После этого послышались вопросительные голоса. Затем чьи-то руки осторожно подняли меня с земли и куда-то понесли...

Очнулся я от лёгкого, хотя и достаточно ощутимого похлопывания по щекам. Разомкнув веки, я увидел перед собой четыре пары беспокойных глаз.

— Ну, вот, кажись очнулся, — пробасил худощавый, немного сутулый мужчина в белом колпаке и белом халате, шею которого обхватывали слуховые наконечники фонендоскопа. Мужчина был высокого роста, с продолговатым лицом, крутым лбом, на котором чётко обозначались так называемые «музыкальные шишечки», а также несколько горизонтальных, близких к бровям, морщин. У него был толстогубый широкий рот, длинный массивный нос, серые глаза, которые за мощными линзами старомодных роговых очков казались просто огромными.

— Нашатырь, Виктор Михайлович? — спросила стоявшая рядом с ним симпатичная миниатюрная чернявая девушка с лицом, чем-то напоминавшим мышиную мордочку, также облачённая в белый халат.

— Не надо, — ответил тот. — Он и без него акклиматится.

Две другие пары глаз принадлежали пожилой супружеской паре, стоявшей чуть поодаль, вид которой не свидетельствовал об её принадлежности к персоналу больницы, где я, судя по всему, находился. Это были седой мужчина в бежевом свитере, и полноватая женщина в розовом пуловере.

— Живой? — спросили они.

— Живой, — откликнулся врач.

— Фу, слава Богу, — облегчённо вздохнула женщина. — Мы уж думали, помирает. Едем — и вдруг впереди он лежит у самой обочины. Остановились, подошли — а он без сознания. Мы перенесли его в машину — и сразу к вам.

— Где вы, говорите, его нашли? — спросил Виктор Михайлович, задумчиво глядя на меня.

— Километров за пятьдесят отсюда будет, — сказал мужчина.

— Я на днях по радио слышала, что в лесу шестеро студентов пропали, — добавила его жена. — Может, это один из них?

Я усиленно закивал головой.

— О! — обрадовано воскликнул врач. — Да он уже всё понимает! Говорить можешь? Как тебя зовут?

— Дмитрий, — прохрипел я.

— Дмитрий? Очень хорошо. А где остальные пятеро?

Я хотел ответить, но тут моё горло словно перехватило веревкой. К нему подкатил огромный ком, и я с изумлением почувствовал, что язык отказывается мне повиноваться. Поэтому я только сглотнул слюну и отвернул голову, ничего не сказав.

— Ну, мы, наверное, пойдём, — произнесла женщина в розовом пуловере. — Нам ещё ехать далеко.

— Да, конечно, идите, — сказал Виктор Михайлович. — А если хотите, оставайтесь на ночь у нас. Утром поедете.

— Да нет, спасибо.

— Ну, как знаете. Огромная вам благодарность, что не проехали мимо.

Супружеская пара вышла. Врач проводил их до двери и повернулся к медсестре:

— Маша, принеси-ка нам что-нибудь из столовой. Ты, наверное, голоден?

Последний вопрос относился ко мне. Я смущённо кивнул головой. Медсестра вышла, а Виктор Михайлович пощупал мне пульс, внимательно осмотрел мои зрачки, после чего отошёл к письменному столу, который стоял у окна.

— Подняться можешь? — спросил он.

Я глубоко вдохнул, ощутив характерный для всех медучреждений запах карболки, сделал усилие и поднялся с кушетки, на которой лежал. Всё тело ныло и болело. Я поморщился. Врач сел за стол, положил перед собой пустой бланк медицинской карты, и достал из нагрудного кармана халата авторучку.

— Что у тебя с рукой?

— Не знаю. Наверное, перелом, — ответил я.

— Перелом? — переспросил врач. — Это, конечно, плохо. Но не страшно. Сейчас мы его

загипсуем, и всё будет нормально. Ну, а теперь расскажи о себе поподробнее. Давай начнём с фамилии, имени, отчества.

— Лю Ку Тан Дмитрий Леонидович, — назвал себя я.

— Люкутан? — усмехнулся врач. — Редкая фамилия.

— Редкая, — согласился я.

— Вроде, даже и не русская.

— Китайская, — разъяснил я. — Дедушка был китаец.

— А-а-а, — понимающе протянул Виктор Михайлович. — Теперь понятно. А писать-то её как, отдельно или вместе?

— Вообще-то, правильно отдельно. Но все обычно пишут вместе. Так что, если хотите, можете написать вместе.

— Но в паспорте как записано?

— В паспорте — отдельно.

— Значит, и мы запишем отдельно.

И врач внёс в карточку первую запись.

— Возраст?

— Двадцать три года.

— Место жительства?

— В настоящий момент — город Москва, — не без гордости ответил я, и назвал адрес, по которому проживал.

— Что же тебя в нашу глушь-то занесло?

— Преддипломная практика.

— Студент, значит? Где учишься?

— Московский Государственный
Университет, геологический факультет.

— МГУ? — уважительно проговорил Виктор Михайлович, продолжая двигать шариковой ручкой. — Это, значит, вас всех отправили сюда на практику?

Я кивнул головой.

— Так где же, всё-таки, остальные?

К моему горлу снова подступил ком.

— Ты хоть скажи, они живы?

— Нет, — тихо выдавил я.

Брови врача нахмурились.

— М-да, — крикнул он, отложил ручку в сторону и пристально посмотрел на меня.

Я опустил глаза и тяжело вздохнул.

— Можно, я не буду сейчас об этом рассказывать? — попросил я. — Им всё равно уже ничем не помочь. Это длинная история. В двух словах её не передать. Я всё расскажу завтра. А сегодня, поверьте, просто сил нет. Я пять дней практически ничего не ел, два дня не спал. Не до этого.

Врач с сочувствием посмотрел на меня.

— Ну, хорошо, — согласился он. — Завтра — так завтра.

Дверь открылась, и в кабинет зашла

медсестра. В её руках значился накрытый белым полотенцем поднос, от которого исходил такой аппетитный аромат, что я непроизвольно подался вперёд. Медсестра поставила поднос на стол. Под белым полотенцем оказались: полная тарелка щей, котлеты с картошкой, салат из квашеной капусты, и чай.

— Погоди, — остановил меня Виктор Михайлович. — Если ты действительно пять дней ничего не ел, тебе столько нельзя. Пойми, мне не жалко. Просто твой желудок может не выдержать. Давай ограничимся салатом и щами.

Я согласно кивнул головой, взял ложку и буквально накинулся на еду.

— Не спеши, не спеши, — приговаривал врач. — Никто у тебя ничего не отнимет. Ешь медленнее, хорошо прожёвывай пищу.

Я старался следовать его совету, но у меня это почему-то не получалось. Пять голодных дней пробудили во мне просто животные инстинкты, и я проглатывал ложку за ложкой с такой жадностью, с какой потребляет пищу дикий зверь.

Тарелка опустела в какие-то пять минут. Я откинулся на стуле и с удовольствием почувствовал, как наполняется мой желудок. Это ощущение заметно прибавило мне жизненных сил.

— Ну, вот и хорошо, — проговорил врач.

Медсестра собрала пустую посуду на поднос

и унесла. Виктор Михайлович поднялся со своего места, подошёл ко мне, и ободряюще похлопал по плечу.

— Пойдём в процедурную.

Мы прошли в соседний кабинет. Врач внимательно ощупал мою руку, затем сделал рентген. Дождавшись, пока проявится снимок, он внимательно его осмотрел, буркнул диагноз: «перелом локтевого отростка», после чего покрыл мою руку гипсовым раствором почти до самого плеча. Дальше мы сидели с ним ещё примерно час. Виктор Михайлович коротал время, рассказывая забавные истории из своей медицинской практики, а когда гипс высох, поднялся и кивнул, призывая идти за собой:

— Ну, а сейчас давай в душ, и спать. Переодеться во что есть?

— Нет, — ответил я.

— Я распоряжусь, чтобы тебе выдали пижаму. Пойдём, провожу в палату.

Я взял свой рюкзак, который валялся возле кушетки, и мы вышли из кабинета.

Тускло освещённый больничный коридор сиял пустой. Время было позднее, и все пациенты уже спали. Сидевшие кучкой на диване дежурные медсёстры с любопытством посмотрели на меня. Я смущённо опустил глаза. Врач довёл меня до крайней палаты и открыл дверь.

— Вот здесь мы тебя и разместим, — произнёс он, зажигая свет.

Я огляделся. Это была небольшая, но уютная чистая комнатка с двумя аккуратно застеленными кроватями.

— Занимай любую, — сказал Виктор Михайлович и вышел.

Я выбрал ту, которая стояла у окна.

Через несколько минут я с наслаждением плескался в тёплой воде, густо намыливая себя мочалкой. Вместе с потом и грязью с меня словно сходили те напряжение и страх, что господствовали в моей душе все последние дни.

Смыв мыло и тщательно обмывшись, я подошёл к закреплённому на стене зеркалу. Мне стало страшно. Неужели это был я? Как сильно я изменился за эту неделю! Я выглядел постаревшим лет на десять. Рёбра буквально выпирали наружу. В области живота значилась впадина. Лицо имело какой-то пепельно-серый оттенок. И без того худое, оно стало ещё уже. Щёки впали настолько глубоко, что, казалось, приросли к челюстям. На лбу, который ещё совсем недавно был чистым и гладким, теперь отчётливо проступали мелкие морщины. Под утомлёнными, светившимися краснотой, глазами набрякли уродливые мешки. Моё сердце защемило. До чего же это неловко, испытывать жалость по отношению к самому себе!

Я задумчиво посмотрел на своё зеркальное отражение, поднял здоровую руку и стал медленно водить пальцами по лицу. Высокий, скошенный назад лоб; короткие, густые, неровные брови; узкий нос, длинный кончик которого нависал над верхней губой; маленькие уши с несколько дефектным ободком. Всё это относилось ко мне. Всё это был я.

Вытершись насухо полотенцем и облачившись в чистую, пахнущую свежестью синюю пижаму, принесённую мне Машей, я вернулся в свою палату, разобрал постель, погасил свет, разделся, залез под одеяло, и закрыл глаза. Поначалу передо мной стояла только темнота. Но затем в моей памяти, как-то сами собой, словно на фотобумаге, помещённой в реактив, стали проявляться различные картины. Они походили на неясный сон. То ли всё это действительно было, то ли всего этого на самом деле не было...

2

Воздух в плацкартном вагоне был удушающий и вязкий. Он был насыщен кисловатым запахом пота и затхлостью. Тем, кто впервые заходил сюда с улицы, казалось, что они попали не в поезд, а в сточную канаву, полную миазмов. Новые пассажиры неизменно морщили нос и произносили брезгливое «Фу-у-у!».

В этой душегубке мы ехали уже сутки. Позади был последний курс университета, впереди — преддипломная практика. Конечно, мы были не в восторге, что нам придётся провести целый месяц в геологической экспедиции, ведущей свои исследования в какой-то таёжной глуши, территориально относящейся к Иркутской области. Но, как говорится, судьба есть судьба...

— А чего вы хотели? — удивлённо развёл руками декан, заметив, как потухли наши глаза, когда нам объявили, где нам придётся собирать материал для дипломной работы. — Вы должны были знать, куда идёте. Работа геолога как раз и происходит в таких вот «тигулях». В Москве полезные ископаемые не водятся. Чтобы работать в городе, нужно было поступать на другой факультет. Экономический, там, или юридический.

— Там конкурс был слишком большой, — проворчал кто-то.

Декан снова развёл руками.

— А что эта экспедиция, хоть, ищет? — поинтересовался я.

— Руды, — ответил декан. — Руды цветных металлов. Никель, вольфрам, молибден. Да пождите вы расстраиваться. В том, что места там глухие и малоизученные, есть свой плюс. Природа там нетронутая. Можно даже сказать, первозданная. Может, вы там какой-нибудь золотой самородок

найдёте. Такой здоровенный, что на всю жизнь себя обеспечите...

Я лежал на верхней полке, и читал Джека Лондона. Точнее будет сказать, я пытался его читать. Содержимое книги воспринималось плохо. Виной этому был немилосердный храп, раздававшийся справа от меня и больше походивший на стоны умирающего. Эти «стоны» принадлежали моему сокурснику Сергею Вишнякову, развалившемуся на соседней верхней полке, который являл собой, пожалуй, самую романтическую личность нашего курса. Это был худощавый парень среднего роста, с вечно растрёпанными в беспорядке волосами, с прямым, средней ширины, лбом, с глазами подростка, начитавшегося Жюль Верна и Фенимора Купера, коротким носом, квадратным, с твёрдыми губами, ртом, на котором постоянно, даже во сне, играла светлая, немного мечтательная, юношеская улыбка. Он был просто помешан на путешествиях. Казалось, что в них заключался весь смысл его жизни. Его правая рука свесилась вниз и болталась возле стоявшей на столике, практически полностью опустошённой пивной баклажки, которая, собственно, и являлась причиной его, не соответствовавшего времени суток, крепкого сна. Сидевший под ним Алан Тагеров раздражённо поднялся с места, забросил руку Вишнякова

обратно на полку, отодвинул его голову подальше от края и пробурчал:

— Джигиты-вакхабиты!

Это была обычная универсальная присказка Алана. Слова «джигиты-вакхабиты» могли выражать у него всё, что угодно — одобрение и недовольство, злобу и восторг, удивление и разочарование. Всё зависело от того, каким тоном они произносились. В настоящий момент они означали следующее: как он замучил своим храпом!

В противоположность Вишнякову, Тагеров был выше среднего роста, строен и атлетичен. У него был широкий лоб, тонкий, костлявый, высоко посаженный нос, короткие, густые брови. В его карих глазах всегда светилась та энергичность, которая присуща любому кавказцу, и которая всегда привлекает к нему особ противоположного пола. Вот и сейчас с ним мило беседовали, явно получая от этого удовольствие, Лиля Ширшова и Юля Патрушева. Они были единственными москвичками в нашей шестёрке, и давно являлись закадычными подругами, хотя общего в их характерах было немного. Спокойная, деловая, неторопливая речь худощавой, короткостриженной брюнетки Юли резко контрастировала с торопливым, слегка наивным щебетанием и хихиканьем пышнотелой и пышноволосой блондинки Лили. Видимо, в их дружбе

присутствовало что-то такое, что было сродни эффекту разнополярных сторон магнитов, которые, как известно, притягиваются.

Последним представителем нашей образованной волею декана компании был Ваня Попов. Рыжеватый, маленького роста, деревенский парнишка, с кучей веснушек на лице, немного нескладный, он был тих и немногословен. Его круглое, с высокой переносицей и выступающими скулами лицо всегда сохраняло какую-то торжественную неподвижность, словно восковая маска, лишённая всяких эмоций. У него были редкие, имеющие ниспадающие края, брови, круглые, с большой радужной оболочкой, глаза, и маленький рот. Большую часть пути Ваня лежал на боковой верхней полке и задумчиво смотрел в окно, спускаясь вниз лишь по необходимости.

Я ещё раз укоризненно покосился на храпящего Вишнякова, вздохнул, захлопнул книгу, и положил её на откидную сетку. Драматизм «Белого безмолвия» при таком фоне совершенно не трогал душу.

— Ванёк! — позвал я.

Попов повернулся ко мне.

— Давай перемахнёмся в картишки.

— Давай, — согласился он.

— Интересно, а нас вы почему не приглашаете? — с шутливой обидой воскликнула

Лиля.

— Ну, вы так увлечены беседой, что я постеснялся вас прерывать, — объяснил я, свешивая ноги.

— Одно другому не мешает, — улыбнулся Алан, сверкнув своими ослепительно белыми зубами. (Чем он, интересно, их чистит?)

Я вытащил из своей сумки колоду карт, специально купленную мною, чтобы не скучать в дороге, сел рядом с Аланом, и принялся тщательно их перетасовывать.

— Во что сыграем?

— В «дурачка», — с недоумением произнесла Юля. Мол, а во что ещё можно сыграть?

— Юля, в «дурачка» — это слишком банально, — с наигранным упрёком возразил Тагеров. — Почти что дипломированным геологам не к лицу играть в такие примитивные игры.

— Твоё предложение? — спросила Патрушева.

— В «очко».

— Давайте, давайте, — захлопала в ладоши Лиля. — Давайте в «очко».

— Хр-р-р! — раздалось сверху.

— Вот! — со значением поднял указательный палец Алан. — Вишняков тоже на моей стороне.

Мы непринуждённо рассмеялись.

— Против такой поддержки, конечно, не

попрёшь, — улыбаясь, проговорила Юля.

— Все согласны? — спросил я, поочерёдно оглядев каждого. Возражений не последовало. — Ну что ж, тогда я сдаю.

Лиля повернула голову.

— Вань, а ты что там сидишь? — удивлённо спросила она у продолжавшего оставаться на боковом месте Попова. — Давай ближе к нам. Не бойся, мы не кусаемся.

Ваня с некоторой застенчивостью пересел к девчонкам. Игра началась.

— Ещё, — сказал Тагеров.

— Мне тоже, — добавила Ширшова.

Я протянул каждому из них по карте.

— Джигиты-вакхабиты! — разочарованно воскликнул Алан.

— Самураи-басмачи! — в тон ему произнесла Лиля.

Тагеров в сердцах бросил карты на стол. Ширшова проделала то же самое.

— Не расстраивайтесь, — сказала Патрушева, и кокетливо поиграла глазами. — Не везёт вам в картах — повезёт в любви.

Лиля прыснула. Алан загадочно улыбнулся и опустил глаза.

— Мне тоже, — тихо попросил Попов, и, получив карту, вздохнул. — Увы. У меня перебор.

— И я пас, — заключил я, и вопросительно

посмотрел на Юлю.

— А у меня, вроде, двадцать одно, — не без гордости заявила она, и продемонстрировала десятку, туза и даму.

— Везучая, — заметил Тагеров.

Из-за перегородки высунулась маленькая седая голова в мощных очках.

— Чем это там молодёжь развлекается? — послышался дребезжащий старческий голосок.

— Какое тебе до этого дело? — раздалось ревнивое женское контральто. — Не лезь, куда не следует.

Мощные очки исчезли. Я с удивлением отметил, что храп наверху стих. Подняв голову, я увидел, что Вишняков смотрит на нас мутными глазами.

— Что это вы там делаете? — хрипло поинтересовался он.

— Не видишь, диссертацию пишем, — ответил Алан, и озорно подмигнул Лиле. — О благотворном влиянии храпа на скорость движения поезда.

В сонных глазах Сергея проявилось недоумение. Его лоб нахмурился, красноречиво свидетельствуя о том, что он пытается вникнуть в смысл сказанного. И только поглядев на заливавшуюся смехом Ширшову, Вишняков наконец сообразил, что это — всего лишь шутка.

Ни слова не говоря, он перевернулся на другой бок. Полка жалобно закрипела.

— Ещё будем? — спросил я, собирая карты.

— Конечно, — сказала Лиля. — Нам же когда-нибудь тоже должно подфартить.

Я краешком глаза поочерёдно оглядел двух подруг, и про себя усмехнулся. Не передрались бы они между собой. Невооружённым глазом был заметно, что между ними шла скрытая борьба за внимание Алана. И победу в этом соперничестве, судя по всему, одерживала пока Лилия.

Следующие две партии удачи никому не принесли. Тагеров и Ширшова с картинным азартом выражали досаду, но склонить фортуна на свою сторону им так и не удалось. Зато они окончательно разбудили Сергея. Когда я в очередной раз перетасовывал колоду, с верхней полки, перед самым моим носом, свесились его, пахнувшие отнюдь не духами, пятки.

— Чай! Чай! Кто желает чай? — слышалось в вагоне.

Это была проводница, дородная пожилая женщина в синей железнодорожной униформе.

— Молодой человек, вы не желаете чаю? — обратилась она к Вишнякову, поравнявшись с нами. Но, увидев его помятое лицо, поняла всю неуместность своего вопроса, раздражённо прошипела «гос-с-споди!» и проследовала дальше.

Сергей спрыгнул вниз, уселся между мной и Аланом, обулся и решительно заявил:

— Я тоже буду играть...

Надо заметить, что в нашей группе отношение к Вишнякову было неоднозначным. Одни считали его весёлым малым, другие недолюбливали. Он был шутник и балагур, являлся завсегдатаем студенческих гулянок, и многими воспринимался как чересчур легкомысленный. Но врагов он не имел. Его открытость, беззлобность и бесконфликтность делали его весьма приятным в общении. Правда, когда разговоры касались чего-нибудь серьёзного, его предпочитали в них не вовлекать, ибо любой научный вопрос он неизменно превращал в парад острот, что не всегда бывало к месту.

Лично мне врезалось в память его выступление на одном из семинаров по географии. По-моему, это было ещё на первом курсе, когда мы только начинали притираться к нашей «альма-матер». Сергей читал доклад о Гималаях.

— Гималаи — это очень древние горы, — бодро рапортовал с кафедры он. — В их лесах обитает очень много диких обезьян. Толщи составляющих их горных пород неоднократно подвергались воздействию мощных сил. Таких, как землетрясения, извержения вулканов, а также

нашествие нашей популярной певицы Маши Распутиной. Машу всё-таки отпустили в Гималаи, где она смогла раздеться догола, чего так страстно желала. Климат в Гималаях очень дождливый. Он отличается резкими перепадами температур в дневные и ночные часы. Так что, если вы соберётесь в Гималаи, не забудьте прихватить с собой зонтики и тёплые вещи...

Ну и так далее, в том же духе.

Мы держались за животики, слушая его рассказ, чего нельзя было сказать о профессоре, преподававшем нам этот курс. Это был долговязый, брюзгливый сухарь, начисто лишённый чувства юмора. Он смотрел на Вишнякова с нескрываемым негодованием, а когда тот закончил свою речь, не преминул обрушить на него весь свой гнев.

— Молодой человек, — заявил он. — вы, по-моему, не понимаете, где находитесь. Это не цирковое училище! Это Московский Государственный Университет! Здесь занимаются наукой, а не клоунадой. Мне кажется, вы немного ошиблись в выборе профессии. Но ещё не поздно всё исправить.

Мы притихли, а густо покрасневший докладчик сошёл в аудиторию с обескураженным видом. К слову, у него были потом серьёзные проблемы с экзаменом...

После того, как несколько следующих партий снова не выявили победителя, Сергей решительно отобрал у меня карты.

— Димон, отдохни, — сказал он. — Какая-то у тебя не лёгкая рука.

Я пожал плечами.

— Пожалуйста.

Вишняков принялся тщательно перетасовывать колоду. Причем, делал он это довольно своеобразно. После двух-трёх пасов он неизменно вытаскивал из середины какую-нибудь карту и клал её сверху. До нас не сразу дошло, что эти его действия имели вполне определённый смысл.

Закончив тасовку, Сергей принялся раздавать карты. Когда у каждого из нас в руках оказалось по три штуки, раздался неуверенный голос Попова.

— У меня, кажись, очко.

— Браво, браво! — зааплодировал Вишняков, и с пафосом провозгласил. — Да здравствует новый чемпион!

К нашему изумлению, Ване сопутствовал успех и в двух последующих партиях. Его обычно тусклые глаза заблестели. Ему явно было приятно чувствовать себя победителем. Победителем хоть в чём-то. Ваня приехал в Москву из какой-то глухой деревушки, и за все пять лет учёбы так и не смог в ней освоиться. Если другие провинциалы, включая

меня, постепенно привыкли к столичной суете, и даже начали чувствовать себя настоящими москвичами, то Ваня так и остался таким же робким и застенчивым, каким и был раньше. Он был начисто лишён всякого тщеславия. В нём абсолютно отсутствовало стремление чем-нибудь выделиться из общей массы, что обычно бывает свойственно молодости. Он всегда сторонился компаний, предпочитал одиночество, и был настолько бесцветен, что эта его бесцветность поневоле обращала на себя внимание, и даже казалась какой-то яркой. В чём здесь была причина — сказать трудно. Может, в природной житейской робости, может в постоянной денежной нужде, а может и в том и в другом сразу, ведь первое зачастую происходит из второго. Характерный факт: после занятий в университете он никогда не ходил куда-нибудь гулять. Он неизменно возвращался в общежитие и проводил в нём всё свое свободное время.

— Ну, Ванёк, ты даёшь! — удивлённо восклицал Сергей. — А ещё такую недотрогу из себя корчишь. Да в тебе форта побольше, чем в каждом из нас.

Попов краснел и смущённо улыбался. Было заметно, что его наполняло воодушевление.

Первым заподозрил неладное Тагеров. Когда Вишняков в очередной раз принялся

перетасовывать колоду, он стал наблюдать за его руками с повышенной пристальностью. А когда тот приготовился начать новую раздачу, решительно проговорил:

— А ну-ка погоди. Дай-ка я раздам.

На лице Сергея промелькнула какая-то тень. Он немного замялся, но потом всё же протянул карты Алану.

— Возьми.

Тот принялся раздавать. При этом он изменил очерёдность, и Ваня с Лилей как бы поменялись местами.

— Я выиграла, я выиграла! — радостно захлопала в ладоши Ширшова.

Тагеров посмотрел на Вишнякова. Его взгляд был весел, пытлив и настойчив. Ответный взгляд Сергея содержал в себе осуждение. Ваня нахмурился, заёрзал, и стал пристально рассматривать пальцы своих рук. Первой напряжённость ситуации уловила Юля. Она перемешала карты и воскликнула:

— Да хватит вам картёжничать! Мы к Уфе подъезжаем. Собирайтесь. Стоянка тридцать минут. Хоть с вокзала на Уфу посмотрим.

Когда поезд остановился, и все пассажиры потянулись к выходу, Сергей тихонько притянул к себе Алана и произнёс:

— Зачем ты? Я специально хотел его

ободрить.

— Да он по жизни такой угрюмый, — отмахнувшись, бросил тот.

В отличие от Попова, Тагерову повезло родиться баловнем судьбы. Его отец был очень уважаемым человеком, занимал весьма солидный пост, ввиду чего Алан никогда не сталкивался с такой проблемой, как нужда.

Его личность лучше всего характеризует один эпизод, который имел место ещё на первом курсе. В нашей группе требовалось избрать старосту. Не считая некоторых формальностей, староста главным образом был нужен для того, чтобы ежемесячно получать в кассе университета на группу стипендию. Кроме старосты, никто другой получить её не мог. Доверенность оформлялась только на него. Кто-то предложил Тагерова. Он не возражал, и мы единогласно проголосовали «за».

Наступило пятнадцатое число, которое мы в шутку называли «Днём студента». Все смотрят на Алана. Тот и бровью не ведёт.

— Алан, ты ходил за стипендией?

— Нет, не ходил. Сегодня некогда. Завтра схожу.

Наступает следующий день. Денег снова нет.

— Алан, где стипендия?

— Да успокойтесь вы! Получите вы свои деньги!

На третий день — то же самое. А на четвёртый вся стипендия нашей группы была зачислена бухгалтерией на депонент, и забрать её теперь можно было лишь в следующем месяце. Некоторым ребятам, как, например, Ване Попову, пришлось тогда очень туго, ибо стипендия являлась для них чуть ли не основным источником средств к существованию.

В этом и был весь Тагеров. Эгоизм и равнодушие, уверенность и самомнение пронзали его насквозь. Казалось, что в его внутреннем мире совершенно отсутствовало место для понимания других людей, настолько он был поглощён собственной персоной.

3

Утренний солнечный свет, бивший сквозь шторы из окна, настойчиво щекотал мои веки. Я открыл глаза, зевнул, потянулся и перевернулся на другой бок, намереваясь ещё немного подремать. Как приятно было снова спать на кровати, под тёплым одеялом, после холодной, сырой земли, на которой мне пришлось провести несколько ночей, укрывшись курткой и используя в качестве подушки собственный рюкзак.

Из коридора донеслись чьи-то голоса. Я прислушался.

— Вы, уважаемый, перед моим носом своей корочкой не махайте, — раздражённо выговаривал кому-то Виктор Михайлович. — Здесь команду я, и ваши регалии на меня не действуют. Он — мой пациент, который находится в довольно тяжёлом состоянии. Парень целую неделю плутал в тайге, не ел, не спал. Его психика нарушена и нуждается в восстановлении. Поэтому ему необходимо отдохнуть. Будить его я не буду. Как проснётся, я его осмотрю, и только после этого скажу, можно вам будет с ним поговорить, или нет.

Я понял, что речь шла обо мне. Кто это там ко мне рвётся? Наверное, милиция. Говорить с милицией мне сейчас хотелось меньше всего. Им ведь нужны мои показания. А мне было мучительно больно вспоминать всё то, что произошло в предшествующие семь дней. Как мы голодали, как мы мёрзли, какой мы испытывали страх, как поочередно, один за другим, гибли все мои спутники. Эти воспоминания тяжким грузом лежали на моей душе, и скребли её, не давая покоя.

Я провёл ещё где-то час-полтора в лёгкой полудрёме, после чего почувствовал желание двигаться. Я откинул одеяло, поднялся, и принялся натягивать на себя пижаму. Одевшись, я взял висевшее на спинке стула полотенце, вышел в коридор и, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не смущаться от чужих любопытных взглядов,

отправился в расположенный по-соседству умывальник.

— Вот он, проснулся, — донёсся до меня тонкий девичий голосок. — Пойду, Виктору Михайловичу сообщу.

Когда я вышел из умывальника, врач уже поджидал меня возле двери.

— Ну, как мы себя чувствуем? — спросил он, крепко пожав мне руку.

— Нормально, — ответил я.

Мы зашли в палату.

— Время завтрака уже прошло. Но ты не переживай. Я попросил медсестру, чтобы она принесла тебе его сюда, — сказал Виктор Михайлович.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Дай-ка я тебя послушаю.

Я расстегнул пижаму, вытянулся в стойке «смирно», и поёжился, ощутив прикосновение холодного металлического кругляша.

— Дыши глубже, — попросил врач.

Прослушав все участки моей груди, он заявил:

— Ну, хрипов вроде нет. Пневмонией пока не пахнет. Однако, рентген сегодня всё же сделаем. Сам какое-нибудь недомогание чувствуешь?

— Не чувствую, — ответил я.

— А что чувствуешь?

— Утомление.

— Ну, это пройдёт. Два-три дня, и всё придёт в норму. Отоспишься, отъешься, и снова почувствуешь вкус к жизни. У нас на втором этаже есть библиотека. В «красном уголке» — телевизор. Пользуйся. Твоим родителям уже всё сообщили. Скоро они за тобой приедут.

— Большое вам спасибо! — с чувством произнёс я.

— Не за что, — заметил Виктор Михайлович. — Отдыхай.

Вскоре из коридора, сквозь неплотно прикрытую дверь, донёсся его приглушённый голос.

— Сегодня задавать ему вопросы я вам не разрешаю. Парень крайне истощён. И морально, и физически. Нужно дать ему хоть немного прийти в себя. Так что, до завтра.

Я с аппетитом съел принесённый мне завтрак, улёгся на кровать, заложил руки за голову и закрыл глаза...

Мы стояли возле вертолёта, старенького МИ-2, и с опаской поглядывали на небо. Погода была ужасная. Весь верх затянули тяжёлые облака, моросил мелкий противный дождь, а прохладный ветер продувал нас буквально насквозь, заставляя беспрерывно ёжиться. Как это всё было не похоже на Москву, откуда мы уезжали два дня назад. Там

уже всюду гуляла весна, было тепло, светило солнце, на деревьях распускалась листва. Приехав в Иркутск, мы словно вернулись в глубокую осень. Столь резкая перемена климата в худшую сторону, конечно, не радовала.

— Чего нахмурились, студенты? — весело спросил лётчик, который должен был доставить нас в место базирования геологической экспедиции. Его звали Николай. Это был здоровенный, плечистый, румяный детина средних лет, пышущий здоровьем, с большими усами, озорными глазами и широким лицом.

— Да вот, погода, вроде, не очень лётная, — неуверенно отозвался Сергей.

— Погода здесь всегда такая, — разъяснил лётчик. — Это вам не Юг, не Центр, не Поволжье, и даже не Урал. Это Сибирь, край весьма суровый. Так что привыкайте. А беспокоитесь вы зря. Я уже десять лет за штурвалом. И не в таких условиях летал. Не волнуйтесь. Довезу в целости и сохранности. По лётным меркам здесь недалеко. Километров сто, не более.

— А мы высоко будем лететь? — спросила Лиля.

— Нет, — ответил Николай. — Вертолёты высоко не летают. Так что, сможете увидеть всю красоту тайги во всей её величии. Вид сверху будет потрясающим, это я вам обещаю.

Он открыл дверцу вертолѐта, и сделал приглашающий жест.

— Входите, не стесняйтесь.

Мы залезли внутрь и стали с любопытством крутить головами по сторонам. До сегодняшнего дня никому из нас летать на вертолѐтах ещё не доводилось. Это было для нас в новинку. А всё новое, как известно, порождает жгучий интерес.

— Солидный «пепелац», — заметил Алан.

Дверца захлопнулась, лѐтчик занял место в кабине, щёлкнул несколькими тумблерами, и в наши уши ворвался свистящий рѐв.

— Ну, что, поехали? — обернувшись, крикнул он нам. — Держитесь крепче.

Вертолѐт оторвался от земли и стал медленно подниматься. Мы прильнули к иллюминаторам. Обозреваемый горизонт постепенно расширялся.

— С правой стороны по борту панорама города Иркутска, — снова раздался голос Николая.

Мы заврожено смотрели на дома, деревья, автомобили, которые казались какими-то не настоящими, игрушечными.

— Класс! — восхищённо выдохнул Ваня. Его глаза горели восторгом.

— Ты, что, никогда раньше не летал? — спросил я.

— Никогда, — признался он.

Впереди показался бескрайний зелёный ковѐр.

— А вон и тайга, — крикнул Николай.

Лиля залезла в рюкзак и достала фотоаппарат.

— Давайте сфотографируемся, — предложила она.

Мы изобразили на лицах улыбки. Сверкнула вспышка. После этого мы снова повернулись к иллюминаторам. Никто из ребят даже не предполагал, что этот кадр станет их последним прижизненным снимком.

Николай не обманул. Вид сверху действительно был потрясающим. Мне неоднократно доводилось видеть в различных книгах и учебниках фотоснимки таёжного леса, сделанные в полёте. Но все они казались какими-то мёртвыми, безжизненными. Они не давали тех восторженных эмоций, которые можно почувствовать только тогда, когда видишь всё это своими глазами, а не посредством объектива. У меня буквально захватило дух от такого масштабного зрелища. Красота природы, воистину, неповторима. Внизу, на земле, она ощущается не всегда. Но в воздухе нельзя не оценить всю её грандиозность.

Мы продолжали лететь над тайгой, которой, казалось, не было конца. Она была и впереди, и сзади, и справа, и слева.

— Как он только ориентируется? — удивлённо спросил Попов, кивая на лётчика.

— По компасу, мой друг, по компасу, — назидательно, с усмешкой, произнёс Тагеров.

— Ребята! — восхищённо протянула Юля. — Как я сейчас жалею, что не пошла в лётное училище. Как же это, наверное, здорово каждый день видеть такую красоту!

— Со временем всё надоедает, — возразил Алан.

— А в лётное училище тебя бы всё равно не взяли, — сказала Ширшова.

— Почему? — удивлённо вскинула брови Патрушева.

— Девушек в лётчики, по-моему, не берут.

— Зато их берут в стюардессы, — встрял Сергей. — Ты не переживай, переквалифицироваться никогда не поздно.

Набрав в грудь побольше воздуха, он комично пропел:

— Стюардесса по
имени Юля
Обожаема, как
маракуя!

— Тебе тоже не мешает переквалифицироваться, — обиженно парировала Патрушева. — Я слышала, что в цирках не хватает клоунов.

— А быть стюардессой не так интересно, — подал голос я. — Стюардессы, ведь, на вертолётах не летают. Они летают только на самолётах. А с самолёта что можно увидеть? Лишь облака, и всё.

Вишняков открыл рот, явно собираясь что-то возразить, но слова так и застряли у него в горле. С этого момента нам стало не до праздных разговоров. В небе вдруг сверкнуло. Вертолёт подбросило, словно в него угодил снаряд. Электрическая проводка заискрилась. Раздался сильный гром. Мотор зачихал. Его гул стал постепенно стихать.

В первый момент мы ничего не поняли. Мы только недоумённо посмотрели друг на друга, как бы спрашивая: что случилось? Из кабины донеслось крепкое ругательство. И только после этого у нас мелькнуло подозрение, что произошло что-то нехорошее.

— Николай, в чём дело? — крикнул Алан.

— А хрен его знает? — последовал ответ. — Кажись, молния!

Вертолёт затрясло. Я выглянул в иллюминатор и обомлел. Лопасты винта крутились всё медленнее и медленнее. В своём вращении они уже не сливались в тот чётко различимый круг, который всегда можно видеть во время полёта. Я поднялся и сделал шаг по направлению к кабине. Но тут вертолёт вдруг резко накренился вправо. Я

не удержался на ногах и упал, больно ударившись головой о скамейку. Рюкзаки сидевших напротив девчонок слетели с мест и покатались на меня.

— Мама! — взвизгнула Лиля.

— Падаем! — истошно прокричал Николай.

Тут до меня, наконец, со всей ясностью дошло, что мы находимся на грани гибели. Очевидно, в результате попадания молнии, вертолёт потерял управление. Я похолодел. Внутри неприятно засосало под ложечкой. На лбу выступил холодный пот. Меня охватил страх. Это был не тот страх, который мне иногда случалось испытывать в детстве. Он не был похож на страх перед хулиганами, останавливающими тебя в тёмной подворотне, или на страх перед возможным наказанием за какой-нибудь проступок. Это был настоящий, серьёзный страх. Это был животный страх. Это был страх смерти, самый сильный страх, который только может испытывать любое живое существо.

Я бросил взгляд на своих сокурсников. Их лица были белы, как мел, а глаза светились невообразимым ужасом. По всей видимости, они тоже поняли всю неприглядность нашего положения.

— Держитесь крепче! — прокричал Николай.

Мы мертвенной хваткой вцепились в скамейки. Лётчик изо всех сил давил на штурвал и

манипулировал другими рычагами управления. Описать эти манипуляции я не могу. Я не владею знаниями по пилотированию. Но смысл действий Николая был мне понятен. Он старался, чтобы вертолёт не вошёл в пике, и как можно дольше оставался в воздухе. Это должно было ослабить силу удара о землю. Помочь Николаю мы ничем не могли. Нам оставалось только одно — надеяться на удачу. Останемся мы в живых, или нет, зависело от двух факторов: насколько сильно повреждён вертолёт, и сколь умелым дельтапланеристом окажется наш пилот.

Я снова выглянул в иллюминатор. Вертолёт продолжал падать.

— Откройте дверь и прыгайте по моей команде! — крикнул Николай.

Ближе всех к выходу находился Алан. Он нажал на ручку дверцы, та распахнулась и принялась вихлять под действием тряски. Тагеров оторвался от скамейки, схватился за поручни, закреплённые по бокам проёма, и замер в ожидании сигнала.

Остальные, цепляясь за всё, что попадалось под руку, стали также пробираться к выходу.

— Рюкзаки! — снова раздался голос Николая. — Выбросьте рюкзаки!

Похоже, он был единственным из нас, кто сохранил способность соображать в такой

экстремальной ситуации, и кто не был парализован страхом. Если нам повезёт, и мы останемся живы, эти рюкзаки, безусловно, понадобятся. Ведь в них наши документы, одежда, и кое-какая еда. Когда нас найдут — неизвестно. А без пищи в тайге не прожить.

Я протянул руку, схватил за лямку свой рюкзак, и швырнул его наружу, поверх головы Алана. То же самое проделали Ваня и Сергей. Рюкзаки Тагерова и Патрушевой валялись далеко, и дотянуться до них не было никакой возможности. Поэтому рюкзак Лили оказался последним, который нам удалось выбросить.

Земля становилась всё ближе и ближе. Верхушки деревьев были уже прямо под нами.

— Прыгайте! — скомандовал Николай.

Высота для прыжка была, конечно, не безопасной. Травм при такой высоте в любом случае не избежать. Но она, по крайней мере, давала шанс остаться в живых. Уж лучше сломать руку или ногу, чем отправиться на тот свет.

Алан подался назад и изготавился к прыжку, но тут же замер в нерешительности.

— Прыгай! — яростно рявкнул находившийся за ним Вишняков. В нашем положении была дорога каждая секунда. Но Тагеров не реагировал. Тогда Сергей, ни слова больше не говоря, ногами вытолкнул Алана в проём.

— А-а-а! — в ужасе завопил тот, и скрылся из виду.

Макушки деревьев уже задевали дно вертолѐта.

— Девчонки, быстрее! — крикнул Вишняков.

Юля и Лиля оказались храбрее Тагерова, и не заставили себя ждать. Вслед за ними выпрыгнул Сергей. Далее последовал я.

Сучки и колючки больно оцарапали мне руки и лицо. Я стал валиться с ветки на ветку, пока, наконец, мне не удалось зацепиться за одну из них. Обхватив ногами ствол принявшей меня на себя сосны, я бросил взгляд в сторону, куда дальше полетел вертолѐт. Моим глазам предстала ужасная картина: МИ-2 воткнулся в землю. Раздался страшный и оглушительный взрыв. Вместе с ним, словно вырвавшись из гигантского горна, взметнулся вверх язык пламени. Я сорвался с ветки и упал на землю...

4

В моей голове царили хаос и сумбур. Моё сознание пребывало в каком-то странном, раздвоенном состоянии. Вроде оно было во мне, но в то же самое время находилось где-то в другом месте. Я даже до конца не осознавал всего того, что произошло со мной в последние минуты.

Молния... Падение... Прыжок.

Я понимал только одно — что я жив. И по сравнению с этим всё остальное не имело никакого значения.

В горле запершило. Я откашлялся, очистив рот от набившейся в него земли. Голова болела. Эта боль буквально разрывала мою черепную коробку. Но она всё же была более терпимой, чем та, которая пронзила мою правую ногу, когда я попытался ею пошевелить. Я охнул и застонал. Осторожно приподнявшись, я ползком добрался до ствола сосны и уселся подле него.

Неподалеку что-то горело. Чёрный дым столбом поднимался вверх и рассеивался на небе, застилая его сплошной серой пеленой. Очевидно, это был наш вертолёт.

Немного посидев, я постепенно начал приходить в себя. Нога не переставала ныть. Я осторожно попытался её согнуть — нога сгибалась. Опершись левой рукой о землю, я поднялся, и, стиснув зубы, сделал несколько шагов. Нога уверенно выдерживала мой вес, хотя каждое движение отдавалось в ней острой болью. Это меня немного успокоило. Перелома, вроде, не было. При переломе я, наверное, не смог бы даже и сдвинуться с места.

Я снова опустился на землю. Во мне стала стремительно нарастать тошнота. Голова

закружилась и наполнилась свистящим гулом. Я изо всех сил сжал виски ладонями. Гул немного стих. И тут до меня, как сквозь ватную подушку, донеслось:

— Ребя-я-та-а-а! Есть кто-о-о?!

Я оторвал ладони от ушей и вскинул голову.

— Ребя-я-та-а-а!

Ваня Попов! Он был единственным, кто, не считая пилота, оставался в вертолете перед его крушением. Значит, он всё-таки успел спрыгнуть. Слава Богу!

— Я здесь! — отозвался я, поразившись, как до неузнаваемости изменился мой голос. Он стал каким-то тонким и слабым.

— Димон, это ты? — снова раздался голос Вани.

— Я! — ответил я.

Спустя несколько минут невдалеке послышался треск сучьев, и из гущи кустарника вылез Попов. Смотрелся он неважно: лицо расцарапано, куртка разорвана, брюки вымазаны грязью. Впрочем, чего пенять? Я, наверное, выглядел не лучше.

— Я думал, ты не успеешь, — произнёс я.

— Успел, — облегчённо проговорил он. — В последний момент. Ещё бы чуть-чуть, и...

— А Николай?

Ваня пожал плечами.

— Не знаю. Когда я выпрыгивал, он, вроде, ещё оставался в вертолёте. Ты, как, цел?

— Кажись, цел, — сказал я. — С ногой вот, только, непорядок.

— Идти можешь?

— Попробую.

С помощью Попова я поднялся с земли и, опершись о его плечо, направился вместе с ним к разбившемуся вертолёту.

— Ребята-а-а! — слышалось где-то невдалеке. — Вы где-е-е?!

— Это Лиля, — обрадовался я, узнав её голос, и отозвался: — Мы здесь!

— Иди к дыму! — прокричал Ваня.

Дойдя до груды искорёженного металла, в котором кое-где ещё продолжали плясать язычки огня, мы остановились.

— Николай! — позвал я.

В ответ ни звука.

— Николай! — ещё громче крикнул Попов.

Ответа снова не последовало. Мы решили обойти вертолёт кругом. То, что мы увидели на другой его стороне, заставило нас содрогнуться. Тело Николая лежало возле сорванной с петель и погнувшейся двери кабины. Его буквально разорвало на куски. Даже как-то не верилось, что ещё полчаса назад эти горелые лохмотья были живым человеком, который двигался и

разговаривал. В наши ноздри ударил препротивный запах палёного мяса. Я почувствовал, как мой желудок выворачивает наизнанку.

Сзади нас послышался шум. Мы обернулись. Из-за деревьев вышла Ширшова.

— Ой, мальчики, вы живы! Слава богу!

Желая предохранить её хрупкую девичью психику от столь ужасного зрелища, я остановил её жестом руки.

— Не ходи сюда! Тебе не надо это видеть!

Лиля вскрикнула, отпрянула и закрыла лицо руками. Мы с Ваней снова обогнули остов МИ-2 и сели на землю. Лиля расположилась рядом с нами.

Мы чувствовали себя совершенно обессиленными. Шок от пережитого давал о себе знать. Мы словно пребывали в какой-то прострации и не могли поверить, что всё случившееся действительно произошло. Обломки вертолёта догорали и продолжали испускать едкий, чёрный дым. Мы зачарованно смотрели на него, словно он уносил с собой в небеса частичку нашей жизни.

— Вот вы где! — раздалось сзади.

Мы повернули головы. К нам, прихрамывая, приближался Вишняков. На его лице виднелись ссадины и царапины. Одежда наполовину превратилась в лохмотья. Но он, тем не менее, был жив. И видя его живым, мы чуть не подпрыгнули от радости. Когда попадаешь в такую катастрофу,

каждый выживший вместе с тобой человек представляется чуть ли не родным.

— Серёжка! — бросилась обнимать его Лиля. Из её глаз потекли слёзы. Картина и в самом деле была очень трогательная. Я почувствовал, что у меня тоже защипало в глазах.

Вишняков уселся рядом с нами. Отдышавшись, он спросил:

— А где остальные? Где Алан, где Юля?

— Мы их пока не видели, — сказала Ширшова.

— А где Николай?

Мы вздохнули и потупили глаза.

— Николай погиб, — тихо произнёс я, и указал на дымящийся вертолёт. — Он оставался за штурвалом до самого конца.

Сергей нахмурился и помрачнел. Воцарилась скорбная тишина.

— Надо будет обязательно как-то помочь его семье, — проговорила Лиля, и вдруг встрепенулась. — Ой, а чего это мы сидим? Нужно найти наших ребят! Может, им требуется помощь.

— Лилия права, — заметил Вишняков. — Если они ещё не пришли сюда, значит с ними что-то случилось. Надо идти, пока не стемнело. Кроме этого, было бы неплохо найти рюкзаки. Ночевать нам, скорее всего, придется в лесу. А завтра, будем надеяться, нас найдут. Все могут ходить?

— Дима, может тебе лучше остаться здесь? — обратилась ко мне Ширшова.

При одной только мысли, что я останусь наедине с грудой искорёженного железа и обгоревшими человеческими останками, меня пробрала дрожь, и я решительно замотал головой:

— Нет. Я пойду вместе с вами. Нога у меня, конечно, болит. Но не настолько, чтобы я вообще не мог ходить.

Мы ещё немного посидели, как бы собираясь с силами. Затем Сергей решительно поднялся и скомандовал:

— Пошли!

Мы встали и направились вслед за ним в ту сторону, где должны были находиться наши товарищи.

— Ала-а-ан! — кричал Вишняков, приставив ко рту ладони, сложенные в трубочку.

— Ю-ю-ля-я-я! — звал я.

Но в ответ доносилось только насмешливое гулкое эхо.

Идти было нелегко. Окружавший нас лес чинил нам всякие препятствия. Здесь не было даже намёка на какую-нибудь просеку. Нам приходилось продираться сквозь кровожадные сосны и ели, всё время норовившие нас расцарапать, пробиваться через чернобыльник, высота которого была сопоставима с нашим ростом. Кроме этого, мы чуть

ли не ежесекундно отмахивались от докучливых мошек и комаров, с лютой кровожадностью набросившихся на нас. Они лезли везде, куда только можно: и в уши, и в ноздри, и в глаза, и за воротник. Этот отряд летучих кровопийц заставил нас изрядно помучиться.

Тайга была мрачна и угрюма. Здесь царили сырой полумрак и безмолвие, изредка прерываемое криками кедровок, словно обменивавшихся друг с другом мнениями о внезапном появлении чужаков. Мы с опаской крутили головами по сторонам.

— Неприветлива тайга, неприветлива, — вздохнул Сергей, словно прочитав мои мысли. — А ведь раньше человек здесь царствовал. Он умел находить дорогу по едва заметным предметам, умел добывать огонь с помощью трения, знал, где и как подстеречь добычу. Сейчас всё это утрачено. Мы, горожане, вряд ли сможем долго прожить в тайге без спичек и консервов.

— Интересно, а тут могут быть волки или медведи? — приглушённым голосом спросила Лиля.

— Конечно могут, — ответил Вишняков. — Это, всё-таки, тайга. Но будем надеяться, что они нам не встретятся.

— А если всё-таки, встретятся?

— А если встретятся, нужно просто правильно себя вести. Вот, допустим, тебе

выскочил навстречу медведь. Что ты сделаешь?

— Дам дёру, — сказала Ширшова.

— А вот и неверно. Запомни, медведи боятся людей. Если он тебе, вдруг, попадётся, главное, не бежать от него сломя голову, иначе он бросится в погоню. В нём просто сработает рефлекс преследования. А рефлекс преследования, обычно, пересиливает страх. Ведь медведь — это хищник. Отогнать медведя нужно громким, но спокойным голосом. Но при этом ни в коем случае нельзя кричать, ибо крик — это проявление агрессии. Стрелять в него, если у тебя будет оружие, тоже нельзя. Раненый зверь опасен вдвойне. Понятно?

— Понятно, — кивнула Лиля.

— Ала-а-ан!

— Ю-ю-ля-я-я!

— Ала-а-ан!

— Ю-ю-ля-я-я!

Вдруг Сергей остановился, и стал пристально вглядываться куда-то вправо. Его внимание явно что-то привлекло. Мы присмотрелись и заметили, что чуть поодаль, на земле, лежит что-то красное. Именно такая красная ветровка была надета на Патрушевой. Мы бросились туда. Подбежав ближе, мы увидели, что это действительно была наша сокурница. Она лежала без сознания. Из её носа сочилась кровь. Ширшова присела и принялась её тормошить:

— Юля, Юля, ты слышишь меня?

Патрушева не отзывалась. Её лицо светилось мертвенной бледностью. Я нервно сглотнул слюну в предчувствии недоброго.

Вишняков присел рядом с Лилей, взял Юлину руку, и принялся нащупывать пульс.

— Жива! — торжественно объявил он.

У всех вырвался вздох облегчения. Ширшова принялась отчаянно хлестать подругу по щекам.

— Очнись же, очнись! Слышишь, очнись!

Наконец та застонала и медленно открыла глаза. Первые мгновения она ничего не понимала. Её взгляд был совершенно пустым. Но через минуту-другую он приобрёл некоторую осмысленность.

— Ребята! — радостно прошептала она.

Лиля издала счастливый визг и заключила Патрушеву в объятия. Та попыталась подняться, но, охнув, тут же снова упала на землю.

— Что такое? — с беспокойством спросил Сергей.

— Спина, — поморщилась Юля. — И голова кружится.

Через некоторое время она, с помощью Ширшовой, предприняла ещё одну попытку встать. Сжимая зубы, она сделала два шага, но после этого остановилась и болезненно сморщилась.

— Всё, больше не могу.

— Она не сможет идти, — сказала нам Лиля, помогая подруге вновь сесть на землю.

Вишняков задумчиво посмотрел на Патрушеву, затем на мою ушибленную ногу, которую я не переставал массировать, и произнёс:

— Давайте сделаем так. Дима и Юля останутся пока здесь, а остальные продолжат поиски Алана и рюкзаков. Собираемся вместе у вертолётки.

Я вздохнул и согласно кивнул головой. Боль в ноге не утихала, и идти мне действительно было трудно.

— А мы не заблудимся? — с беспокойством спросила Ширшова.

— Не заблудимся, — уверенно ответил Сергей, и указал на чёрный дым, который поднимался над верхушками деревьев. — Вон наш ориентир. Он ещё долго будет заметен.

— Если не хлынет дождь, — уточнил Ваня, поглядывая на усеянное тучами небо.

Ребята отправились дальше. Я же присел на землю возле Юли. Она опустила голову и тихо всхлипывала.

— Почему всё это должно было произойти именно с нами, а не с кем-то другим? — с обидой в голосе воскликнула она.

Я вздохнул. Что я мог ей ответить? Пуститься в пространные философские рассуждения

относительно неотвратности судьбы? Гневно клеймить неудачу? Вряд ли это будет уместно в такой тяжёлый момент. Поэтому я постарался придать своему голосу ободряющий оттенок и проговорил:

— В жизни всякое случается. Мы ведь остались живы, а это главное. Сейчас найдём Тагерова, отыщем свои вещи, разведём костёр, согреемся, поедим, переночуем, а завтра нас отсюда вывезут.

— Мой рюкзак остался в вертолёте, — вздохнула Патрушева. — Я не успела его выбросить.

— Ну и что? — возразил я. — Наши рюкзаки-то целы.

«Дай Бог, чтобы они были целы, — пронеслось у меня в голове. — Ведь они могли упасть куда угодно. Хорошо, если они валяются на земле. А если они попали в болото, или болтаются на макушках деревьев? Как их тогда оттуда достать?»

Вслух я этого не произнёс. Но по тому, как нахмурился лоб Юли, я понял, что похожие мысли посетили и её.

Некоторое время мы сидели молча, занимаясь только тем, что отмахивались от назойливой мошкары. Вокруг стояла тишина. Лишь ветви деревьев негромко шелестели на ветру. Вдруг над

нашими головами раздался какой-то частый стук, напоминавший барабанную дробь. Мы вздрогнули и подняли головы.

— Это всего-навсего дятел, — облегчённо произнёс я.

В другое время мы, может быть, от всей души бы и полюбовались этим забавным представителем лесной фауны, который своей красной шапочкой походил на ватиканского епископа, но сейчас нам было не до этого. У нас осталось слишком мало душевных сил, чтобы проявлять эмоции по поводу красоты природы. Кроме этого, нас беспокоило небо. Грозовые облака кучковались всё теснее и теснее, обещая обрушиться на землю весь накопившийся в них заряд. В небольшом пространстве между ними, сквозь которое ещё проглядывала голубизна, показалась маленькая точка, которая двигалась и прочерчивала за собой длинную перистую полосу.

— Самолёт, — мечтательно протянула Патрушева. — Вот бы сейчас оказаться в нём и полететь домой.

После этого в её голосе проявились нотки истерики.

— Ведь мы же ему говорили, что не стоит лететь! А он: всё нормально, доставлю в целости и сохранности! Доставил!

Я ничего не ответил на эту относящуюся к

Николаю тираду, давая понять, что не желаю заниматься поиском виноватых. Что случилось — то случилось. Нужно жить настоящим, а не возвращать свои мысли в прошлое, которое всё равно уже не изменить.

Так мы просидели ещё где-то час, изредка перебрасываясь короткими репликами. Наши спутники не появлялись. Стало потихоньку смеркаться. Небо полностью заволокло тучами. Ветер стал прохладнее и заметно усилился.

— Ну, где же они есть? — нервно проговорила Юля.

Я сложил ладони трубочкой у рта и громко крикнул:

— Сергей! Ребята!

Никто не отозвался.

— Может, пойдём к вертолёту? — предложил я. — Пока совсем не стемнело и дым ещё виден. Искать нас в любом случае начнут там.

— Пошли, — согласилась Патрушева.

Я взял её за руку и помог подняться. Лицо Юли исказила гримаса боли. Я подставил ей плечо, хотя мне и самому было нелегко идти. Она оперлась об него, обхватила меня рукой, и мы медленно побрели к месту катастрофы. Ветер толкал нас в спину, словно пытаясь нам помочь.

Патрушева шла молча, но губы её при этом постоянно шевелились. Сначала мне показалось,

что она молится. Меня это удивило, ибо религиозность была ей как-то не свойственна. Но затем, по выражению её губ, я понял, что она просто считает шаги.

Сделав пятнадцать шагов, Юля предложила отдохнуть.

— Такое чувство, будто меня посадили на кол, — мрачно пошутила она, потирая спину. — Может, это перелом позвоночника?

— Да нет, что ты, — постарался успокоить её я. — При переломе позвоночника ты бы вообще не смогла подняться. Скорее всего, это просто сильный ушиб.

Произнося ободряющие слова в адрес своей спутницы, я одновременно пытался успокоить и себя. Ведь мною тоже владело беспокойство. Оно касалось моей не прекращавшей ныть ноги.

«Нужно расслабиться, — мысленно внушал себе я, — и перестать думать об этой боли. Если на неё не обращать внимания, она утихнет сама собой».

Мы, не спеша, продолжили свой путь, попеременно делая краткие остановки. Во время одной из них я заметил, что Юля пристально вглядывается куда-то в сторону. Я повернул голову в том направлении, но ничего, кроме деревьев, не заметил.

— Что там? — поинтересовался я.

— По-моему, там что-то есть, — сказала Патрушева. — Видишь вон, чёрное?

Я пригляделся повнимательнее. И точно. Вдали, метрах в пятидесяти от нас, действительно что-то чернело. Сначала я подумал, что это всего-навсего обычный валежник. Но потом до меня дошло, что валежник не может иметь такие правильные геометрические формы, какие имел замеченный нами объект. Не исключено, что это была какая-то искусственная постройка.

Меня охватила растерянность. С одной стороны, мне хотелось побыстрее дойти до вертолёта. А с другой, тянуло выяснить, что это там стоит? Я мысленно метался от первого ко второму, не зная, к чему прислушаться. В конце концов, верх одержало любопытство.

— Побудь пока здесь, — попросил я Юлю. — А я пойду взгляну, что там такое.

— А может не надо? — испуганно прошептала она, и я ощутил, как её пальцы крепко вцепились в меня. — Может, лучше давай подождём ребят?

— Я не буду близко подходить, — пообещал я. — Я просто посмотрю со стороны, и всё.

— Мне страшно, — призналась Патрушева.

— Да хватит тебе, — укоризненно бросил я. — Знаешь такую поговорку: «У страха глаза велики»?

Я помог своей спутнице сесть на землю, ибо стоять ей было тяжело, и, прихрамывая, зашагал навстречу неизвестности.

«Что это может быть? — мысленно строил догадки я. — Ещё один потерпевший крушение вертолёт? Гигантский муравейник? Какое-нибудь спящее или умершее животное?».

Но ни одно из моих предположений не оказалось верным. То, что предстало моему взору, когда я подошёл поближе, увидеть в этих глухих таёжных дебрях я никак не ожидал. До сего момента я искренне полагал, что в этих местах ещё не ступала нога человека. Оказывается, ступала.

Я увидел небольшую избушку, размером примерно три на четыре метра, явно построенную очень давно, ибо брёвна, из которых она была сооружена, сильно потемнели от времени. Избушка стояла в центре маленькой, невесь откуда взявшейся здесь рощицы. Крохотное оконце, просматривавшееся в её стене, было покрыто густым слоем грязи и паутины. Дверь, на которой вместо ручки красовался большой загнутый ржавый гвоздь, подпирало сильно высохшее и потрескавшееся бревно. Два последних наблюдения отчётливо свидетельствовали, что в избушке уже давно никто не жил, и она была заброшена.

Моё сердце учащенно забилося. Откуда в тайге взялся этот домишко? Кто его построил? Для

чего? Кто здесь обитал?

Как меня ни тянуло зайти внутрь, я всё же не решился этого сделать. Мне было боязно. Бог его знает, что я там увижу.

— Ну, что там? — с беспокойством прокричала Юля.

— Какой-то дом, — ответил я.

Голос Патрушевой приобрёл нотки изумления.

— Дом? Какой дом? Чей дом?

— Да если бы я это знал, — процедил я, сжав губы, и нервно потёр их ладонью.

Я в растерянности стоял на месте, не двигаясь ни вперёд, ни назад. Не знаю, сколько бы я так ещё простоял, и решился бы я в конце концов исследовать избушку в одиночку, но тут издали донеслось:

— Юля-я-я! Дима-а-а!

Это были наши сокурсники. У меня отлегло от сердца. Их появление вернуло в меня уверенность.

— Мы здесь! — крикнула в ответ Юля. — Идите сюда!

Вскоре из-за деревьев показалась Ширшова. На её лице ясно читалось воодушевление. То, что, по всей видимости, являлось его причиной, брело сзади, несколько поотстав от остальных. Алан был цел и невредим. Он даже не прихрамывал. Только его щеку уродовал ужасный порез, походивший на

какой-то безобразный знак препинания, с уже успевшей засохнуть на нём кровью.

Непосредственно вслед за Лилей шёл Сергей. Он шагал уверенно, держа голову прямо, слегка размахивая руками в такт ходьбе. Рядом с ним, как бы рысцой, немного подгибая колени, семенил Ваня. Я поймал себя на мысли, что их походки очень точно соответствовали силе их духа. В руках каждого из ребят, за исключением Тагерова, было по рюкзаку. В том, который нёс Попов, я без труда опознал свой. Я зашагал им навстречу.

— Ну, как вы тут? — спросил Вишняков, подходя к Патрушевой. — Очухались?

— Немного очухались, — ответил я, забирая у Вани свою поклажу.

— Знаете, где мы Алана нашли? — весело проговорила Лиля. — На верхушке кедра. Он туда приземлился, и никак не мог слезть.

— Что ж ты не отзывался, когда мы тебя звали? — спросил я.

— Он стеснялся показаться нам в таком беспомощном положении, — ответила за Алана Лиля и картинно всплеснула руками. — Чего тут стесняться — не пойму.

— Я вижу, посадка на кедр прошла не слишком гладко, — улыбнулась Юля.

Тагеров потрогал порез на своём лице и улыбнулся в ответ.

— Ерунда. Заживёт.

— Все рюкзаки, которые удалось выбросить из вертолета, мы нашли, — гордо констатировал Сергей.

— Все? — переспросил я. — Здесь же только три. А мы, вроде, выбросили четыре.

— Эти три валялись на земле, — пояснил Вишняков. — А рюкзак Ванька зацепился за макушку ели. Лезть за ним высоко, и мы решили сегодня этого не делать. Всё-таки, уже темнеет. Достанем его завтра. Опытные верхолазы у нас, вроде, есть.

Алан и Лиля рассмеялись.

— Мы тоже не без находок, — интригуяще произнесла Патрушева.

— Вот как? И что же вы нашли? — поинтересовалась Ширшова.

— Мы с Димой нашли дом.

Брови Лили взметнулись вверх.

— Дом?

Сергей, Ваня и Алан вопросительно посмотрели на меня. Я подтверждающе кивнул головой и указал пальцем в сторону, где располагалась наша находка.

Когда мы подошли к избушке, Вишняков изумлённо присвистнул:

— Вот те раз!

Он не спеша огляделся вокруг.

— Рощица явно искусственная, — заметил он. — Создавалась специально.

— Это как? — не понял я.

— Посмотри на эти гнилые пни, — пояснил Сергей. — На их месте раньше росли деревья. Затем их спилили, в результате чего вокруг избушки образовался простор.

Мы медленно прошлись вокруг дома.

— Конструкция стен простая, но надёжная, — со знанием дела заключил Вишняков. — Метод сдавливающих балок. На концах брёвен с обеих сторон делаются глубокие зарубки. В зарубки укладываются поперечные перекладины. Затем эти перекладины крепко-накрепко стягиваются проволокой и удерживают брёвна друг на друге. А щели между ними обрабатываются смолой.

— Откуда ты всё это знаешь? — восхищённо спросила Юля.

— Ну, я же бывалый путешественник, — улыбнулся Сергей.

— Так нам радоваться этой конструкции, или огорчаться? — ревностно спросил Тагеров, который явно был раздосадован, что Вишняков обладает этими знаниями, а он нет.

— Радоваться, — ответил Сергей. — Этот дом вполне пригоден для жилья. Так что, ночевать будем не под открытым небом. Иногда мне кажется, что Бог на свете действительно

существует. Вот подфартило — так подфартило!

— Ты ещё помолись! — тихо проворчал Алан.

Вишняков оставил его колкость без ответа.

— Откуда ты знаешь, что там внутри? — возразила Ширшова. — Может, там и разместиться негде.

— А мы сейчас посмотрим, — сказал Сергей, и направился к двери избушки. Отбросив в сторону подпиравшее её бревно, он распахнул дверь настежь. Изнутри ударило какой-то гнилью.

— Фу-у-у! — сморщилась Лиля. — Проветрить здесь явно не мешает.

Мы подошли поближе. Внутри избушки было темно. Грязное окошко совершенно не пропускало свет. Вишняков опустил свой рюкзак на землю.

— Где-то у меня был фонарь, — проговорил он.

— Ой, а у меня тоже есть фонарь, — спохватилась Ширшова.

Через минуту в темноту ударили два луча света. Мы осторожно переступили порог. То, что сюда уже давно никто не заходил, было ясно с первого взгляда. Внутреннее убранство помещения представляло собой царство пыли и паутины. Сергей, вошедший сюда первым, разразился таким немилосердным чиханием, что его на расстоянии, наверное, можно было бы спутать с пулемётной очередью. В моём носу угрожающе защекотало, и я

поспешил прикрыть его рукой, чтобы избежать аналогичного приступа. Все остальные, не сговариваясь, проделали то же самое. Свет фонарей бегал по сторонам, и нашим глазам предстало следующее. Возле самого входа лежал длинный обугленный металлический прут. Слева от него, в углу, стояла самодельная кровать, сбитая из поленьев, на которой валялось какое-то истлевшее тряпье. Напротив кровати, в другом углу, находился самодельный стол. На его поверхности мы увидели заплесневевшую металлическую миску, почерневшую ложку, измятую жестянку непонятного назначения, и керосиновую лампу.

— Ух ты! — выдохнул Тагеров. — Антиквариат!

Под столом виднелись пустая алюминиевая кастрюля и ржавое ведро.

— Однако! — изумлённо протянула Лиля.

— Судя по количеству пыли, этот дом не посещали уже лет сто, — проговорил, наконец-то отчихавшись, Вишняков.

— Интересно, кто здесь жил? — пробормотала Патрушева. — Может, какой-нибудь революционер, скрывавшийся от жандармов?

— Или каторжник, бежавший из заключения, — предположил Алан.

Ширшова громко рассмеялась. Похоже, любая острота Тагерова приводила её в неопиcуемый

восторг.

— Друзья, давайте выяснение этого вопроса отложим на потом, — попросил Сергей. — Нужно побыстрее убрать всю эту грязь, чтобы было, где спрятаться от дождя, который, похоже, порадует нас очень скоро.

Приближение дождя, действительно, ощущалось. Ветер заметно усилился. В воздухе повеяло сыростью. словно в подтверждение слов Вишнякова, в небе сверкнула молния, после чего до нас донёлся раскат грома.

— Гроза уже в полутора километрах от нас, — заметил Сергей.

— С чего ты взял? — спросил Алан.

— Пауза между молнией и громом была три секунды, — пояснил Вишняков. — Если бы она составила секунду, значит расстояние — четыреста метров. Если бы две секунды — восемьсот метров.

— Вот как! — пробурчал Алан.

В его голосе сквозила неприкрытая ревностная неприязнь.

Мы засучили рукава и принялись за работу...

5

— Лю Ку Тан, вы меня слышите? Эй! — донёлся до меня уже знакомый тонкий девичий голосок.

Я открыл глаза и повернул голову. У двери стояла медсестра Маша. Она вопросительно смотрела на меня, видимо пытаюсь уяснить, сплю я, или бодрствую. Увидев, что я зашевелился, она добавила:

— На флюорографию.

Я, кряхтя, поднялся с кровати, надел тапочки и пошёл вслед за ней.

Едва я вышел в коридор, как тут же почувствовал себя предметом всеобщего внимания. В меня буквально впилось три десятка любопытных глаз.

— Вот он, — донеслось до меня. — Один из тех, которые потерялись. Говорят, он единственный, кто остался жив.

— Повезло парню. В рубашке родился.

Проведя меня сквозь строй высыпающих из палат больных, Маша довела меня до рентгеновского кабинета, который располагался на первом этаже, передала заботам сердобольной пожилой толстушки и удалилась.

Толстушка сразу забросала меня вопросами о произошедшем: что, где и как?

— Извините, я не хочу об этом говорить, — жёстко отрезал я, и принялся раздеваться до пояса.

Увидев мои ребра, толстушка запричитала:

— Боже мой! Боже мой! Одни кожа да кости!

Я почувствовал, как во мне начинает

нарастать раздражение.

Зайдя в кабину и выполнив команду «вдохнуть и не дышать», я быстро оделся и вышел из кабинета. Но едва я закрыл за собой дверь, как меня окликнули:

— Дима!

Я обернулся. Передо мной стояла мать Вишнякова. Я знал её в лицо. Она как-то приезжала к нему в гости. К моему горлу подкатил густой комок. Я опустил голову, будучи не в силах смотреть ей в глаза. Мне мучительно не хотелось с ней разговаривать. Но просто повернуться и уйти я, конечно, не мог.

— Здравствуйте, — выдавил из себя я.

— Димочка, неужели это правда? — сквозь слёзы спросила она. — Неужели мой Серёжа...

Я нахмурился и пробормотал:

— Да, правда.

— Но как же, как же это произошло?

Я замялся, а затем тихо произнёс:

— Извините, пожалуйста. Я обязательно вам всё расскажу. Честное слово. Но только не сейчас. Хорошо? Дайте мне прийти в себя.

Мать Сергея понимающе закивала головой.

— Хорошо, Димочка, хорошо. Я вот тут гостинцев привезла. Возьми.

Она протянула мне доверху наполненный пакет. Я решительно отстранился.

— Нет, спасибо, не надо.

— Возьми, возьми. Небось, изголодался в этой проклятой тайге. Я их для сына везла, но оно, видишь, как получилось.

Слёзы ручьями потекли по её щекам.

Чтобы ещё больше не расстраивать и без того убитую горем женщину, я взял её гостинцы, тепло её поблагодарил и стал подниматься по лестнице. Меня охватило какое-то странное, неприятное чувство. Боже мой, что же мне придётся пережить, когда сюда приедут родители всех остальных ребят! Ведь каждый из них обязательно захочет со мной поговорить, а эти разговоры были для меня сродни пыткам. Как бы от них скрыться?

Нервно отмахнувшись от двух назойливых старух, пытавшихся вступить со мною в беседу, я зашёл в свою палату, завесил полотенцем окошко в двери, чтобы на меня не глазели из коридора, улёгся на кровать и снова погрузился в воспоминания...

Ребята, конечно, видели, что по причине полученных травм польза от нас с Юлей была невелика. Поэтому всю тяжёлую и трудоёмкую работу по уборке дома они взяли на себя. А нам, чтобы мы не мучались от чувства иждивенчества, поручили то, что мы безусловно могли осилить — мытьё окна снаружи.

Едва мы начали протирать стекло тряпками, как из домика раздался восторженный вопль Вишнякова:

— Ура! Живем!

Я поспешил узнать, в чём дело. Сергей улыбался во всю ширь своего рта и радостно демонстрировал пилу, топор и лопату, найденные им под кроватью. Все они были насквозь проржавевшими, но всё же вполне пригодными для использования.

— Ну и что? — недовольно пробурчал Алан. — Можно подумать, что ты нашёл клад.

— Я нашёл гораздо ценнее клада, — заметил Вишняков. — Пила, топор и лопата в тайге — незаменимые вещи. Скоро ты в этом убедишься.

Закончить уборку до дождя ребятам не удалось. В самый её разгар на землю упали первые капли.

— Джигиты-вакхабиты! — выругался Тагеров, вынося из избушки очередную порцию мусора. Его восклицание можно было перевести как досадное «Началось!». На его лице белела защитная маска, помогавшая защититься от пыли. Такие маски были на всех, кто находился внутри. Их смастерила Лиля. Материалом послужил обычный бинт, предусмотрительно захваченный ею в эту поездку. Что касается нас с Патрушевой, то, закончив мыть окно, мы дожидались завершения

уборки снаружи, и маски нам, понятное дело, были не нужны.

Сверкнули голубые стрелы молнии. В небе прозвучали раскаты грома, напоминавшие взрывы бомб. Они были настолько оглушительные, что я вздрогнул. Сразу после этого землю накрыла сплошная водяная пелена. Это произошло настолько стремительно, что я даже не успел вовремя достать из рюкзака зонтик. За те секунды, что я его вытаскивал и раскрывал, мы с Юлей успели промокнуть до нитки. Меня это, правда, не особо огорчило. Намокнув, я, к своему удивлению, почувствовал себя значительно бодрее. Дождь словно смыл с меня усталость и придал свежести.

— Бр-р-р! — задрожала Патрушева, придвинувшись ко мне поближе, чтобы уместиться под зонтом. — Вот попали — так попали.

В небе снова громыхнуло.

— Да, — согласился я. — Прямо, учения небесной артиллерии, не иначе.

Юля рассмеялась, сочтя мою остроуту вполне удачной. Из дверного проёма вылетело ржавое ведро.

— Поставьте, пусть вода наберётся, — раздался голос Алана.

Я поднял ведро и поставил его на землю. Оно стало быстро наполняться.

Когда в домике были протёрты все

поверхности, и воздух стал пригоден для дыхания, мы услышали:

— Заходите.

Я закрыл зонт, и мы вошли внутрь. После уборки в избушке появился кое-какой маломальский уют.

— Сейчас бы костёрчик! — мечтательно протянула Патрушева, дрожа от холода.

— Придётся пока без костёрчика, — развел руками Тагеров. — Здесь его не разведёшь. Задохнёмся от дыма. А снаружи — сама видишь.

— Не волнуйтесь, сейчас станет и теплее, и светлее, — проговорил Сергей, вертя в руках керосиновую лампу. Он вытащил из кармана спички, снял с лампы колпак, зажёл фитиль, водрузил колпак на место, и торжественно, на манер циркового артиста, откинул руки в стороны.

— Ву-аля!

Избушка осветилась тусклым светом. Мы радостно заплодировали. В таёжной глуши, где полностью отсутствовали привычные для нас блага цивилизации, этот огонёк походил чуть ли не на Божий дар.

— И сколько он так прогорит? — спросил я.

Сергей пожал плечами.

— Керосина в лампе немного. Как быстро он расходуется — я не знаю. Я такими древними штуками ещё никогда не пользовался.

Постепенно ливень за окном стал стихать. Вскоре он трансформировался в лёгкую изморось. В избушке стало заметно теплее. Мы согрелись.

— Ну, что? — хлопнул в ладоши Вишняков. — Не пора ли нам пообедать? Не знаю как у вас, а у меня желудок уже потихоньку сводит.

Должен признаться, что до этого момента я совершенно не думал о еде. Шок от пережитого, боль в ноге затмили во мне все остальные чувства. Но после упоминания об обеде я вдруг почувствовал, что страшно голоден.

Мы с Лилей и Сергеем придвинули к себе свои рюкзаки и стали копаться в их содержимом.

— Вываливаем всё, что есть, — скомандовал Вишняков.

Алан, Ваня и Юля немного смутились. Они явно чувствовали себя неловко. Ведь у них ничего не было. Вещи Тагерова и Патрушевой остались в вертолёте, и, скорее всего, сгорели вместе с ним. Рюкзак Попова болтался на высокой ели. Они, конечно, понимали, что мы обязательно поделимся с ними своим провиантом, но чувствовать себя эдакими нахлебниками им явно было неприятно.

— Вот это да! — восторженно вскричал Сергей.

Все подняли головы и посмотрели на него. Вишняков обвёл нас многообещающим взглядом, и торжественно извлёк из рюкзака бутылку водки.

— Цела и невредима!

— Джигиты-вакхабиты! — воскликнул Алан, что, по всей видимости, означало: «Ни фиги себе!».

Я думал, она разбилась, — продолжал радоваться Сергей. — А ей хоть бы что. Хорошо, что я её в свитер завернул. Теперь мы ещё больше согреемся. Готовьте кружки.

— Э-э-э! Погоди! — решительным жестом руки остановила его Ширшова. — Тебе лишь бы всё вовнутрь.

— А куда ещё? — недоумённо спросил Вишняков.

— Водка нам понадобится в медицинских целях, — разъяснила Лиля. — Нужно продезинфицировать ссадины, царапины. Кто-нибудь хочет, чтобы у него случилось заражение крови? Наверное, нет. Кроме этого, Юле надо растереть спину, Диме — ногу. А что останется — можете выпить.

— Это само собой, — печально вздохнул Сергей, видимо сознавая, что после всех перечисленных процедур бутылка, как минимум, ополовинится.

Тем временем стол наполнялся яствами. На нём уже лежали запечённые картофелины, спичечный коробок с солью, бутерброды с колбасой, изломанная плитка шоколада, немного придавленные огурцы и помидоры, а также месиво,

которое раньше являлось варёными яйцами. Я добавил в эту кучу расплющенный кусок сыра, термос с чаем, который удивительным образом также остался цел, и небольшой кулёк с рафинадом.

— Не густо, — определил Вишняков. — Но всё же лучше, чем вообще ничего.

— На сегодня хватит, — сказал я. — А завтра, будем надеяться, нас отсюда вывезут.

— Ну что, приступаем? — спросила Лиля.

Заметив нерешительность в глазах Алана, Вани и Юли, она мягко добавила:

— Ребята, да хватит вам стесняться. Здесь все свои. В таких случаях нет понятия «своё-чужое». В таких случаях всё становится общим. Давайте, придвигайтесь.

— У меня там, в рюкзаке, сало и котлеты, — как бы оправдываясь, произнёс Попов.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Сергей. — Значит, будет чем утром позавтракать.

Мы жадно набросились на еду. Спустя каких-то пять минут на столе остались лишь крошки.

После трапезы Ширшова отобрала у Вишнякова водку и принялась демонстрировать свои навыки, полученные ею на курсах оказания первой медицинской помощи. Прежде всего, она, с помощью ваты, обработала наши ссадины. Мы немилосердно охали, в шутку соревнуясь, у кого

это получится забавнее. Победу одержал Тагеров. Его завывания вызвали наибольший смех.

— Ты лучше квакай, — посоветовал ему я. — А то на твой вой сбегутся все таёжные волки.

— Ква-ква-ква! — послушно произнёс Алан.

Избушку снова сотряс взрыв хохота.

Закончив возиться с Тагеровым, Лиля помогла Юле улечься на кровать и тщательно растерла водкой её спину. После этого она укутала её всевозможным тряпьем, которое только нашла в своих вещах, и подступила ко мне. Но я предпочёл растереться самостоятельно. Обернув ногу курткой, я почувствовал, как по ней начинает расползаться облегчающее боль тепло.

— Так, вроде вылечила всех, — проговорила Ширшова, посмотрела по сторонам и поставила бутылку на стол. — Пейте на здоровье.

В бутылке осталось примерно треть содержимого. Грустные глаза Сергея стали ещё печальнее. Он обречённо вздохнул, разлил водку в уже приготовленные для этого четыре кружки (женская часть нашего коллектива от употребления спиртного вовнутрь отказалась) и произнёс:

— Ну, что? Без закуски, конечно, непривычно. Но в этом тоже есть свой шарм.

Я, Алан и Ваня подошли к столу.

— За наше чудесное спасение, — предложил Тагеров.

Вишняков помотал головой.

— Нет, — возразил он. — Давайте помянем того, благодаря кому мы остались живы. Николая. Можно было взлетать в такую погоду, или нельзя — сейчас это уже не имеет значения. Главное то, что он выполнил свой служебный долг до конца, и без раздумий пожертвовал своей жизнью ради сохранения жизней своих пассажиров, то бишь нас с вами.

Мы, не чокаясь, выпили. Наступила тишина. Поставив кружки на стол, мы снова расселись на полу.

— А керосин в лампе убывает, — констатировала Лиля. — Убывает даже быстрее, чем я думала. Может, её потушить?

— Господа, кому-нибудь нужен свет? — картинно спросил Сергей. — Признавайтесь, кто-нибудь боится темноты?

Никто не отозвался. Ещё раз обведя нас глазами, Вишняков придвинул к себе керосинку и повернул вентиль. Огонь погас. Нас окутала крошечная тьма.

— Ну, что, будем спать? — проговорил Алан.

— А что нам ещё остается делать? — подал голос я.

— Утро вечера мудренее, — заметила Ширшова.

— На это вся и надежда, — внесла свою лепту

в диалог Патрушева.

Послышался шорох. Это каждый из нас стал устраиваться поудобнее. Я подался чуть вперёд, положил под голову рюкзак, вытянул ноги, сложил руки на животе и закрыл глаза.

«Вроде покойника», — мрачно подумалось мне.

Растирая водкой нога согревалась всё сильнее и сильнее. Я с удовлетворением отметил, что судорога, сковывавшая её до сих пор, заметно ослабла, боль стала утихать, и кровь свободно потекла по сосудам.

«Какая же всё-таки молодец, эта Лиля, — подумал я. — С использованием водки она всё рассудила правильно».

Снаружи донёсся лёгкий свист ветра. Послышалось уханье совы. Вдалеке что-то затрещало. Я открыл глаза и насторожился. Эти звуки заставили меня вспомнить, что мы находимся не дома, что вокруг нас глухая тайга со всеми её обитателями, и что для этих обитателей мы, скорее всего, незваные гости, которые нарушили их покой.

— Хотел бы я знать, куда делся хозяин этого домика, — раздался задумчивый голос Тагерова. — Что он здесь делал? Кто он, вообще, был? Завтра, при дневном свете, нужно будет хорошенько здесь пошуровать. Авось, отыщем что-нибудь интересное.

— Ребята, может быть нам стоит организовать дежурство? — предложила Ширшова. — Мало ли кто сюда ночью забредёт.

— А кого ты боишься? — спросил Алан.

— Медведя, — ответила Лиля.

— Медведь — это ерунда, — пробормотал Вишняков. — Главное, чтобы сюда не забрёл кое-кто пострашнее.

— Например? — спросил я.

— Например, Снежный Человек.

— Ну, ты и загнул! — усмехнулся Тагеров. — Ты нас поугагать хочешь?

— Вовсе нет, — возразил Сергей. — Если хочешь знать, встретить Снежного Человека в такой глуши — вполне возможно.

— А ты, что, и вправду веришь в его существование? — удивлённо поинтересовалась Лиля.

— Верю, — без тени смущения ответил Вишняков. — Сейчас уже доказано, что это не выдумки, и что он существует на самом деле. В прошлом году, когда я ездил на Алтай, мне довелось разговаривать с людьми, которые видели его собственными глазами.

— Интересно, — протянула Ширшова. — Может, расскажешь?

— Если хотите — пожалуйста, — охотно согласился Сергей. — Начнём с того, что он,